

**Евгений Андреевич Салиас де
Турнемир**

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

Том 25. Владимирские мономахи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е14

Е14 **Евгений Андреевич Салиас де Турнемир**
Собрание сочинений графа Е.А. Салиаса: Том 25. Владимирские мономахи /
Евгений Андреевич Салиас де Турнемир – М.: Книга по Требованию, 2012. –
464 с.

ISBN 978-5-458-52671-5

ISBN 978-5-458-52671-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А тебѣ, Сенька, думаль, достанется... Стоишь, сопишь, что мѣха кузнечьяе...

Между тѣмъ баринъ шелъ той же медленной правильной походкой, мѣрнымъ и степеннымъ шагомъ, чрезъ обѣ залы, направляясь въ правое крыло дома, гдѣ была «половина» или комнаты его сына...

Баринъ, владѣлецъ мѣстечка Высокы, собственникъ желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ, занимающихъ цѣлый уѣздъ на громадномъ пространствѣ лѣсовъ, полей и озеръ, и владѣлецъ двадцати тысячъ душъ крестьянъ, былъ Аникита Ильичъ Басманъ-Басановъ, столбовой дворянинъ стариннаго рода и бывшій офицеръ гвардіи.

Это былъ старикъ шестидесяти трехъ лѣтъ, здоровый, крѣпкій, бодрый... Если бы не серебряная голова, гладко подъ гребенку стриженная, ему легко можно было дать лѣтъ поды пятьдесятъ... Лицо сухое, почти безъ морщинъ, чисто обритое, бѣлое и румяное, было правильное, но непріятное, неясное и непривѣтливое... Маленькіе сѣрые глаза, быстрые, яркіе; горѣли недобрымъ свѣтомъ. Взглядъ ихъ былъ ястребинный, хищный, а поды часъ будто зловѣщій... Даже при веселомъ смѣхѣ эти глаза щурились будто ехидно. Когда же легкой и нѣжный румянецъ на бѣлыхъ щекахъ,—какъ у любой дѣвицы,—вдругъ усиливался, то всякій робѣлъ и терялся. Это было при знакомѣ возникающаго гнѣва... И чѣмъ сильнѣе, бурливѣе былъ гнѣвъ, тѣмъ тише начиналъ говорить баринъ, но тѣмъ страшнѣе сверкали маленькіе сѣрые глазки, метая искру.

Если онъ съ тихаго голоса переходилъ на шопоть, то, стало быть, «конецъ», стало быть, «пропалъ человекъ».

II.

Два брата, Аникита и Савва, Басманъ-Басановы родились и жили въ царствованіе императрицы Анны и Елисаветы, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, въ полной глуши, въ маленькомъ родовомъ помѣстьѣ при двухъ стахъ душахъ и гдѣ вся семья ихъ нуждалась. Записанные въ Измайловскій полкъ оба брата почти одновременно отправились однако служить въ Петербургъ, и, какъ бѣдные дворяне, бѣдствовали. Отецъ ихъ, Илья Михайловичъ, съ трудомъ высылалъ имъ обоимъ около пяти сотъ рублей въ годъ. Онъ могъ бы давать сыновьямъ болѣе, но жизнь его сложилась такъ, что стоила дорого, несмотря на незатѣйливое существованіе въ глуши деревни.

У Ильи Михайловича Басанова, пятидесятилѣтняго вдовца, была слабость—прекрасный полъ. Съ нимъ вмѣстѣ жило пять женокъ, не считая двухъ старыхъ заштатныхъ... Но это бы еще не бѣда, если бы у всѣхъ этихъ женокъ не рождались постоянно дѣти, которыхъ отецъ, конечно, призрѣвалъ...

Усадьба Басановка смахивала поэтому на нѣчто крайне странное. Мужчинъ, дворовыхъ людей, было не болѣе полудюжины. Женщинъ, считая и женокъ и горничныхъ, было до двухъ дюжинъ... Дѣтей, дѣвочекъ и мальчиковъ, отъ грудныхъ младенцевъ и до 13 и 15-лѣтнихъ, было тоже до двухъ дюжинъ.

Путаница во взаимныхъ отношеніяхъ была полная, такъ какъ тѣ дѣти, которыхъ любилъ баринъ-отецъ, жили на барской ногѣ, а нелюбимыя изображали прислугу.

Сосѣди помѣщики говорили про Басанова:

— Содомъ какой-то. Ничего не разберешь у него. Кто кому братъ, кто кому свать.

Когда оба сына, воспользовавшись «вольностями дворянскими» при восшествіи на престолъ императора Петра Ѳеодоровича, вернулись домой, къ отцу, то нашли почти ровесниковъ себѣ братьевъ и сестрицъ побочныхъ, и оба брата собрались было уѣзжать восвоеси отъ «содома».

Но ихъ остановило нѣчто. Въ ихъ глуши Демидовъ велъ особое дѣло, копалъ землю, а изъ нея дѣлалъ чугуны и желѣзо, а заведенное дѣло, «заводы» гремяли на всю Россію... Братья, не зная, что дѣлать, чѣмъ заняться, рѣшились поступить на эти заводы и были приняты.

Но чрезъ четыре года вдругъ братья получили отъ дальняго родственника неожиданное наслѣдство и, по мнѣнію отца, поступили безразсудно. Продавъ имѣніе, они выручили сорокъ тысячъ, тотчасъ покинули, конечно, заводы, сманивъ, однако, съ собой ученаго нѣмца и челоувѣкъ десять не изъ послѣднихъ искусниковъ мастеровъ, и пошли искать новыя мѣста, такія же, но поближе къ столицамъ. Мѣста эти среди дремучихъ Муромскихъ лѣсовъ были ими найдены, и братья Басановы, истративъ свои невеликія деньги, завели то же дѣло...

Не прошло шести лѣтъ, какъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ генераль-прокуроръ уже докладывалъ о важномъ казусѣ:

«Какіе-то два брата дворянина, бывшіе измайловскіе офицеры и сыновья заволжскаго помѣщика, явились въ предѣлы Владимірскіе и, самовольно захвативъ большое количество зе-

мель и еще большее количество лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ, основали чугуно-плавильные и желѣзные заводы... А главное ихъ самоуправство и беззаконіе въ томъ, что они приписываютъ къ заводамъ всѣхъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ со всей Россіи и даже бѣглыхъ солдатъ, да не десятками, а сотнями въ годъ. Особенно послѣ недавняго Пугачевского бунта они вдругъ разошлись, приписавъ сразу къ заводамъ до семи тысячъ бѣглыхъ и сразу расширивъ свое дѣло, производство и сбытъ...».

Государыня приказала тщательно разслѣдовать дѣло и доложить снова. По второму разу, строжайшему слѣдствію и всеподданнѣйшему докладу, оказалось, что два брата Басманъ-Басановы начали дѣло просто грабительское по отношенію и къ казнѣ и къ мелкимъ помѣщикамъ. Но въ непроходимой тущобѣ страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ, гдѣ была «стѣна», т. е. непроницаемая дебри, и лишь «одинъ звѣрь», нынѣ людно и оживленно, тысячи всякаго сброда, сволочи со всѣхъ краевъ Россіи, работаютъ, подати и повинности въ крупныхъ размѣрахъ уплачиваются неукоснительно и вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Наконецъ за послѣдній годъ былъ сдѣланъ этимъ заводомъ казенный заказъ, съ которымъ собирались уже обратиться за границу... Заказъ былъ исполненъ «весьма рачительно, поспѣшно и даже изрядно» къ немалому удивленію самихъ господъ сенаторовъ.

Императрица приказала бѣглыхъ солдатъ строжайше у заводовъ отбирать и за искорененіемъ сего зла наблюдать...

А земли?.. Лѣса? Тысячи бѣглыхъ приписныхъ? Все это имущество миллионное и чужое, среди бѣла дня грабительски присвоенное и присвоаемое?

Приказано было: «Оставить и смотрѣть сквозь пальцы»...

И вскорѣ сами братья Басановы почувствовали подъ ногами твердую почву... Они пошли на «авось», но могли теперь сказать себѣ съ полной увѣренностью: «наша взяла!».

Прошло еще десять лѣтъ.

Заводамъ Високскимъ былъ сдѣланъ важнѣйшій и крупнѣйшій заказъ отъ имени самого свѣтлѣйшаго князя Потемкина... Братья Басановы чрезъ свое довѣренное лицо, петербургскаго виднаго чиновника, взялись поставить требуемое за смѣхотворно дешевую цѣну, но просили упорядочить ихъ «безписьменное» положеніе...

Разумѣется, гениальный свѣтлѣйшій, которому доложили о

дѣлѣ и просьбѣ «поставщиковъ» казны, заводчиковъ изъ дворянъ, чугунно-литейщиковъ изъ измайловцевъ,—вникнулъ въ дѣло, разсудилъ по-своему и доложилъ государынѣ на особый ладъ.

Съ этого дня братья Басманъ-Басановы стали законными собственниками огромнаго состоянія, на половину похищеннаго, на половину созданнаго собственными руками.

Но владѣтели Высоксы зато гордо подняли голову и стали распоряжаться и повелѣвать въ своемъ краѣ, уже окончательно ничего и никого не опасаясь. Вскорѣ за ихъ крутыя, громкія, но и разумныя дѣйствія, какой-то петербургскій сенаторъ остроумно далъ Басановымъ прозвище «Владимірскіе Мономахи»...

Прозвище дошло и до Высоксы, и понравилось даже тѣмъ, кто и не зналъ, что оно значить, но братья заводчики дѣйствительно стали мѣстными рѣшителями судебъ не только помѣстнаго дворянства, но и лицъ, власть предержавшихъ... По жалобѣ Владимірскихъ Мономаховъ былъ вдругъ смѣщенъ и отданъ подъ судъ за самоуправство владимірскій намѣстникъ. Черезъ четыре года волокиты намѣстникъ очистилъ себя предъ судомъ, но уже въ сенатѣ, куда довелъ свое дѣло, и гдѣ доказалъ, что не онъ, а братья Басановы,—самоуправцы и ябедники.

Но братьевъ заводчиковъ все-таки власти не тронули, да и вообще перестали трогать, а стали стараться жить съ ними въ ладу. Оно было спокойнѣе, да вдобавокъ и очень выгодно.

Въ тѣ дни, когда, по случаю новой войны съ Турціей, Высокса снова работала для огромной поставки въ казну, главный и истинный создатель заводовъ Савва Ильичъ вдругъ скончался.

Онъ былъ холостъ и даже ненавистникъ женщинъ, и наследникомъ всего остался Аникита Ильичъ. Старшій Басановъ былъ давно женатъ и даже два раза. Первая жена его родомъ Бобрищева, на которой онъ женился, выйдя въ отставку и будучи еще у отца въ отчинѣ, была неплодна. Шесть лѣтъ ждалъ Аникита Ильичъ «наслѣдниковъ», и затѣмъ оба брата «Мономахи» рѣшили, что такъ оставить дѣло нельзя... По что же они работаютъ? Для кого? И Раиса Сергѣевна Басанова «по собственной волѣ» была пострижена въ монахини, а черезъ года три умерла, «сокрушаясь по своей мірской жизни».

Аникита Ильичъ тотчасъ же снова женился на красивой

дѣвицѣ шестнадцати лѣтъ, княжнѣ Никаевой, отъ которой вскорѣ къ великой радости прижилъ сына, нареченнаго Саввой, потомъ еще сына, названнаго Алексѣемъ, и затѣмъ дочь, названную Дарьей. Старшій сынъ сталъ любимцемъ дяди, и два Саввы не разставались. Когда восьмилѣтній Савва, простудившись, умеръ въ одну ночь отъ какой-то дѣтской болѣзни, пятидесятилѣтній Савва, крѣпкій на видъ, сталъ страшно тосковать и черезъ годъ, чуть не день въ день, ушелъ за своимъ любимцемъ, маленькимъ Саввушкой.

Спустя года три умерла и его мать, вторая Басанова, и Аникита Ильичъ остался вдовцемъ съ двумя дѣтьми. Онъ сталъ собираться жениться въ третій разъ, но не иначе, какъ на такой, которая—кто бы она ни была—станетъ беременна... И не мало минуло въ домѣ мимолетныхъ любимицъ.

III.

Высокса, получившая свое имя отъ маленькой, чуть видной рѣченки, не имѣла вида большой барской усадьбы со службами. Она была съ виду посадъ или мѣстечко, или даже уѣздный городокъ, хотя съ начала ея возникновенія прошло только двадцать пять лѣтъ.

Барскія палаты въ три этажа съ двумя крылами стояли на небольшой площади если не мощеной, то съ твердымъ кремнистымъ грунтомъ, утрамбованнымъ отбросами руды съ заводовъ.

Прямо передъ домомъ, но подъ горой или какъ бы въ огромномъ оврагѣ, была заводская домна съ высокими каменными, вѣчно дымящимися трубами. Налѣво разстилалось большое полутораверстное озеро, окруженное лѣсами... Озеро уходило, заворачивало влѣво, скрывалось изъ виду за лѣсомъ и казалось еще больше и шире. Невдалекѣ отъ большого дома высилась главная церковь среди площади, а кругомъ нея и лицомъ къ ней протянулись небольшіе домики духовенства и главныхъ заводскихъ заправиль, и вольныхъ и крѣпостныхъ. Здѣсь были домики главнаго управителя заводовъ и трехъ главныхъ смотрителей. Направо отъ дома черезъ площадь торчало неуклюжее зданіе, казавшееся съ одной стороны трехугольнымъ, съ другой—пятиугольнымъ, гдѣ была коллегія, т. е. главное управленіе. Надъ нимъ, по срединѣ, высилась тяжелая четырехугольная башня съ часами, гулкій бой которыхъ былъ слышенъ далеко, въ тихую погоду за версту. Имя «коллегія» было, конечно, прихотью владѣльца.

Затѣмъ начиналась улица, на которую выходили всѣ службы, конюшни, сараи, кладовыя... Все это было равно каменное, но разнокалиберное, будто строившееся безъ толку, или будто на время, или же ради прихоти.

Послѣ ряда этихъ зданій, большихъ и малыхъ, открывалось большое пустое пространство, гдѣ еженедѣльно бывалъ базаръ. Въ глубинѣ нѣско видѣлось темное зданіе въ два этажа съ высокой крутой башней или каланчей. Это была полиція, гдѣ жило тридцать человѣкъ стражниковъ, имя которыхъ было мѣстное: «рунты»... Полицейскіе эти двухъ сортовъ, старшіе и младшіе, были подъ командой оберъ-рунта, грозы всей Высоксы.

Здѣсь во дворѣ стояли бочки на дрогахъ, всегда полныя воды, а въ конюшняхъ до дюжины рунтовыхъ лошадей, которыя употреблялись только ими: или закладывались въ бочки въ случаѣ пожара или осѣдывались для рунтовъ, когда ихъ «гоняли» съ порученіями по заводамъ или въ уѣздный городъ.

Вдоль базарной площади или поляны тянулись въ рядъ дома и домики, гдѣ помѣщались главные мастера, между которыми были и иностранцы.

Затѣмъ, далѣе въ полуверстѣ была слобода, гдѣ жили заводскіе крестьяне... Но слобода эта была тоже цѣлый городокъ, такъ какъ къ одной Высоксѣ было приписано десять тысячъ душъ обоого пола.

У слободы была своя церковь, которую звали малой. Рабочій людъ не имѣлъ права являться въ большую церковь, которая впрочемъ и безъ нихъ бывала въ праздничные дни полнехонька «важными» людьми, начиная съ семействъ приживальщиковъ и кончая разными управителями и зрителями съ семьями.

Кругомъ всей Высоксы стояли вѣковые сосновые лѣса. Во всѣ стороны на десятки верстъ и по тремъ большимъ дорогамъ сплошной массой тѣсился непроходимый лѣсъ. Въ иныхъ мѣстахъ и народное названіе его было: «стѣна». Это были мѣста, въ которыхъ топоръ никогда не бывалъ, и черезъ которыя пролѣзть было совершенно невозможно. Здѣсь, конечно, были царства не только волковъ и лисицъ, но и медвѣдей въ большомъ количествѣ.

Впрочемъ, мишки особенно любопытные или легкомысленные появлялись изрѣдка и въ самой Высоксѣ, гдѣ, конечно, находили большею частью смерть. Баринъ платилъ вообще за каждаго убитаго медвѣдя—два рубля. А это были деньги не малыя. До полусотни охотниковъ въ Высоксѣ не только жили, но

богатѣли по милости указаннаго и награждаемаго бариномъ истребленія этихъ опасныхъ и многочисленныхъ сосѣдей.

Наконецъ, въ нѣсколькихъ верстахъ, въ трехъ, въ пяти и въ десяти—были другіе желѣзные и чугунные заводы. Самый дальній былъ проволочный заводъ.

Границъ владѣній барина Басманъ-Басанова никто не зналъ. Да и самъ онъ, казалось, или не зналъ, или не хотѣлъ знать. Старожилы помнили хорошо, что мѣста, которыя считались всего лѣтъ десять назадъ казенными, теперь считались бариновыми.

«Да и все-то... все... откуда взялось?!»

Впрочемъ изъ-за отсутствія или неизвѣстности границъ бывали и непріятности съ губернскими властями.

Но все такое сходило съ рукъ просто. Однажды казенный лѣсничій, вновь назначенный по сосѣдству съ Высокой, сталъ воевать съ бариномъ Аникитой Ильичемъ и добился присылки ревизоровъ и землемѣровъ. Но самъ онъ вдругъ умеръ и странной смертью. Холоднаго квасу выпилъ у себя же дома...

А ревизія явилась, пожила въ Высоку съ недѣлю, пировала всякій день, угощаемая бариномъ, и уѣхала... Когда чиновники, и важные, и мелкіе, прощались съ бариномъ и говорили «до свиданья», баринъ отвѣчалъ, махнувъ рукой:

— Итъ. Спасибо... Ну, васъ! Развѣ еще заведется какой буянь, и мнѣ опять придется его сплавлять, а вы прѣдете меня разсуживать. Но только, чуръ, говорю впередъ. Чуръ!

Впрочемъ все намѣстничество давно знало, что Басанова надо «чураться».

Громадный домъ, почти дворецъ, выстроился не сразу. Сначала онъ былъ двухъэтажный, а только послѣ смерти Саввы Ильича братъ не пожелалъ жить въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ они вмѣстѣ провели много лѣтъ, живя душа въ душу.

Аникита Ильичъ пристроилъ для себя мезонинъ въ семь комнатъ, но черезъ три года увеличилъ его и расширилъ во весь домъ, чтобы перевести сюда свою личную канцелярію. Теперь весь верхъ былъ занятъ бариномъ, и люди, говоря о немъ, говорили «верхъ» или «вверху». Они даже выражались: «Нынѣ вверху простудимшись». Или: «Погоди, верхъ узнаеть, задасть трепку!»

Во второмъ этажѣ были всѣ парадныя комнаты: три гостиныхъ, китайская комната и итальянская, или портретная. Здѣсь висѣлъ на главномъ мѣстѣ портретъ Саввы Ильича, а по бокамъ его двѣ императрицы: Анна и Елисавета. На противо-

положной стѣнѣ былъ большой портретъ царствующей государыни «благодѣтельница», какъ звали ее баринъ. Послѣ гостиныхъ были двѣ залы; первая служила столовой, вторая чрезвычайно большихъ размѣровъ предназначалась только для вечеровъ, празднествъ и пировъ. бывшихъ однако не болѣе пяти-шести разъ въ году. Въ этой залѣ висѣлъ огромный портретъ, цѣлая картина, изображавшая перваго императора, особенно чтимаго обоими братьями Басманъ-Басановыми. Портретъ этотъ кисти иностраннаго художника прибылъ на кораблѣ изъ Голландіи и обошелся крайне дорого. Въ этомъ же залѣ большіе англійскіе часы играли цѣлый концертъ въ полдень.

Въ сторонѣ отъ гостиныхъ, но окнами въ садъ, были комнаты трюродной внучки барина, однако именуемой племянницей, Сусанны Юрьевны Касаткиной. Изъ ея гостиной былъ выходъ на небольшую террасу съ маленькой лѣстницей въ садъ, но особенной, подъемной... Устроилъ ее нѣмецъ-механикъ.

Въ правомъ крылѣ дома, выдвигавшемся въ садъ и полузакрытомъ отъ дома липами, были комнаты молодого барина Алексѣя Аникитича, съ особой террасой и съ особымъ подъѣздомъ съ улицы.

Въ лѣвомъ крылѣ передняя часть принадлежала «маленькой»—какъ звали ее—барышнѣ, Дарьѣ Аникитишнѣ, жившей съ своей няней, бывшей крѣпостной Матвѣевной. Въ задней части крыла, но безъ сообщенія съ комнатами барышни, было помѣщеніе Никаевыхъ, князя, его сына и дочери.

Всѣ эти отдѣльныя квартиры были вполнѣ особняками съ своими подъѣздами и выходами. При всѣхъ была своя отдѣльная прислуга и свое маленькое хозяйство... Даже свой собственный особый отпечатокъ замѣчался во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ.

У барина «вверху» сновалъ народъ, кипѣло дѣло. У племянницы бывало иное оживленіе—гости и пріемъ. У молодого барина царила мертвая тишина, какъ если бы все правое крыло дома было необитаемо. У «маленькой» барышни было тоже сравнительно тихо, тише, чѣмъ могло бы быть, такъ какъ ея юныя пріятельницы, шумѣвшія у себя, въ гостяхъ у нея притихали, будто изъ подражанія ей.

Только въ нижнемъ этажѣ дома было всегда шумно, но на особый безтолковый ладъ. Здѣсь была вѣчная междоусобица и война. Всѣ сновали и шумѣли перебраниваясь. А всѣхъ было множество.

Нижній этажъ дома былъ отданъ приживальщикамъ, и въ

немъ помѣщались, имѣя по три и даже по пяти и шести комнатъ, самыя разношерстные дармоѣды.

Цѣлая орава этихъ людей разнаго происхожденія, по мнѣнію дворни, жила, какъ у Христа за пазухой.

Эти люди были сыты, одѣты и обуты на счетъ барина, а работы не имѣли никакой, отвѣтственности поѣтому тоже никакой. На нихъ грозный баринъ не имѣлъ ни случая, ни повода сердиться. Развѣ кто изъ нихъ «съ жиру взбѣсится» и пойдетъ безобразничать.

Впрочемъ, ихъ безобразничанье не бывало никогда пьянство или буйство. За подобное баринъ изгонялъ виновнаго немедленно изъ дома и съ Высоксы. Единственный поводъ, когда нахлѣбникъ шумѣлъ, былъ всегда одинъ и тотъ же... Или онъ жаловался, что его одѣлили мѣсячной провизіей, мукой, свѣчами или сахаромъ. Или же онъ жаловался, что какой-нибудь холопъ его оскорбилъ, обидѣлъ непочтеніемъ, грубостью, попрекомъ. Впрочемъ, щепетильнѣе этихъ приживальщиковъ, казалось, и найти было бы нельзя.

Весь нижній этажъ раздѣлялся на шесть частей, раздѣленныхъ двумя коридорами.

Тутъ жила главная нахлѣбническая семья, самая многочисленная, состоящая изъ восьми душъ и наиболѣе скромная и любимая дворовыми. Это была семья Василя Васильевича Ильева съ женой, тремя дочерьми, двумя сыновьями и сестрой.

Они занимали главную самую большую квартиру окнами въ садъ, комнатъ въ семь.

Противъ нихъ въ четырехъ комнатахъ жила старуха Марья Аванасьевна Бобрищева съ двумя мальчиками въ качествѣ дальней родственницы первой жены Аникиты Ильича. Затѣмъ рядомъ съ ними помѣщались двѣ старыя дѣвицы, тоже дворянки, дочери секундъ-майора, Клавдія и Людмила Саввишны Тотолмины. Дѣвицы попали къ Басанову на хлѣбъ по исключительному поводу. Онѣ просто явились съ просьбой помочь имъ, но случайно попали вскорѣ послѣ смерти Саввы Ильича. И Басановъ, горевавшій о братѣ, оставилъ ихъ навсегда у себя на хлѣбахъ только за то, что онѣ оказались по батюшкѣ Саввишны.

Тутъ же жилъ одинокій, страшно толстый, съ огромнымъ животомъ пандурскій капитанъ Константинъ Константиновичъ Константиновъ. И его призрѣлъ у себя Басановъ невѣдомо какъ и почему, вѣроятно, за однозвучныя имя, отчество и фамилію.

Впрочемъ, изрѣдка, раза два въ мѣсяцъ, Басановъ любилъ поиграть въ бостонъ, а его неизмѣнные партнеры были князь Никаевъ и капитанъ Константиновъ.

IV.

Когда баринъ спускался съ верху, въ домѣ всегда происходилъ легкій переполохъ; дворня, дежурная дюжина и лакей въ буфетѣ, насторожившись, пропускали его. Аникита Ильичъ ежедневно въ два часа отправлялся на краткую прогулку въ садъ, такъ какъ ровно въ три былъ обѣдъ, и при первомъ ударѣ на башнѣ всѣ садились за столъ.

На этотъ разъ, однако, онъ изъ залы не прошелъ на террасу, съ которой обыкновенно спускался въ правую липовую аллею, а, пройдя портретную, вступилъ въ правое крыло дома, гдѣ была «половина» или комнаты его сына...

Старикъ крайне рѣдко бывалъ у сына, за исключеніемъ дней его рожденія, именинъ или какого-нибудь особеннаго случая... Теперь уже недѣли съ двѣ онъ ежедневно заходилъ къ сыну на нѣсколько мгновеній.

Причина была на это особая и важная.

Сынъ, молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, лежалъ въ постели, не болѣлъ, не страдалъ, а постепенно ослабѣвалъ.

Еще зимой молодой Алексѣй Аникитичъ чувствовалъ себя плохо, весной сталъ худѣть и слабѣть, а въ маѣ мѣсяцъ сталъ «прикладываться».

Старикъ сердился на сына, говорилъ, что онъ блажить и на себя напускаетъ, но за одинъ апрѣль мѣсяцъ убѣдился тоже, что дѣло не ладно...

Теперь всѣ въ домѣ, да и во всемъ намѣстничествѣ, знали, что единственный наслѣдникъ громаднаго состоянія и будущей судьбѣ котораго всегда столь многіе завидовали, — медленно угасаетъ.

За послѣднее время больной не вставалъ вовсе съ постели. Его подымали и перекладывали на диванъ черезъ каждыя сутки, чтобы поправить постель.

Помимо доктора и фельдшера, которые служили при заводахъ, Аникита Ильичъ уже выписалъ доктора нѣмца изъ Москвы, который остался жить и лѣчить молодого человѣка, но почти ежедневно докладывалъ барину, что его присутствіе излишне, что положеніе больного безнадежно... Единственное,